

Холод коридоров подземелий, казалось, проникал до самых костей — он разительно отличался от уюта, наполнявшего кабинет прорицаний.

Цзээркэсы неспешно шел к кабинету зельеварения. Его пальцы слегка коснулись контура маленького флакона, спрятанного под мантией; сквозь ткань едва ощущался холодок стекла. Прошла неделя с момента той короткой, но острой стычки в коридорах подземелий. Предупреждение Северуса Снегга застыло между ними незримой ледяной коркой, но Цзээркэсы не чувствовал страха. Напротив, он отчетливо видел трещины под толщей льда — и это был единственный путь, которым можно было к нему приблизиться.

Он не мог быть восторженным, любопытным или благодарным. Подобные эмоции Снегг отсекал своим непробиваемым, как защитные чары, самообладанием, а то и вовсе ответил бы еще большей неприязнью. Цзээркэсы должен был стать... ценным. Полезным.

Он остановился перед мрачной дверью и постучал — стук прозвучал четко и размеренно. Дверь бесшумно приоткрылась, и на пороге возник Снегг. Его черные глаза сверху вниз впились в незваного гостя, не скрывая раздражения от того, что его побеспокоили.

— Профессор Цзээркэсы, — протянул он, и в каждом слове слышалось: «Надеюсь, у вас есть веская причина». — Неужели ваш хрустальный шар предсказал, что мой котел нуждается в присмотре?

— Как раз наоборот, профессор, — голос Цзээркэсы оставался удивительно спокойным, в нем не было ни тени обиды или робости. — Я предвидел, что вам могут понадобиться некоторые... материалы, которые не так-то просто достать обычными путями.

Он вынул из-под мантии небольшой мешочек, запечатанный кожей дракона. Вещь выглядела древней и дорогой, а на поверхности был выжжен едва заметный рунический символ. Взгляд Снегга остро сфокусировался на мешочке, особенно на знаке. Его брови почти незаметно дернулись. Он знал — или, по крайней мере, догадывался, — откуда эта вещь.

— Недавно я пытался восстановить несколько старинных рецептов, — продолжал Цзээркэсы, говоря так обыденно, будто обсуждал погоду. — Мне понадобился сок сонных бобов, собранный при лунном свете. Его необходимо использовать в течение часа после сбора, иначе эффективность стремительно падает. Помню, в «Расширенном курсе зельеварения» на полях была об этом заметка, но о методах хранения говорилось весьма туманно.

Он слегка встряхнул мешочек, и внутри послышалось тихое плескание жидкости.

— У меня... осталось лишнее. Учитывая нестабильность состава, нет смысла позволять ему пропасть, когда он может принести пользу тому, кто действительно знает, как с ним работать. Думаю, для некоторых зелий высокого уровня это будет нелишним.

Цзээркэсы не сказал «дарю» и не сказал «это в благодарность». Он просто предложил

«излишки» материала, намекая на тайные исследования, которыми, вероятно, занимался Снегг.

Снегг молча сверлил его взглядом, словно пытаясь разобрать состав неизвестного зелья. Он ненавидел подачки, ненавидел жалость, но жаждал редких ингредиентов — особенно тех, что помогали ему оттачивать мастерство. Цзээркэсы нажал ровно на ту точку, где нужно.

Наконец Снегг, почти вырвав мешочек из рук Цзээркэсы, сделал это с поразительной скоростью. Он приоткрыл его и быстро принюхался — в его черных глазах мелькнуло искреннее удивление. Ингредиент был высочайшего качества и невероятно свежий.

— Похоже... даже у тех, кто привык пускать пыль в глаза, иногда встречаются полезные побочные продукты, — сухо прокомментировал он. Тон оставался язвительным, но агрессии стало меньше.

Благодарить он не стал, лишь посторонился, пропуская гостя внутрь.

— Заходите. И ничего не трогайте.

Цзээркэсы шагнул в кабинет. Здесь было еще мрачнее, чем он представлял, но при этом чувствовалась поразительная эффективность. Ингредиенты рассортированы, всё разложено по местам с педантичной точностью. Воздух был пропитан сложным и опасным ароматом — нечто подобное он чувствовал в покоях своего крестного отца. Это был след человека, одержимого поиском мощных и запретных знаний.

Снегг осторожно убрал мешочек в хрустальный шкаф с постоянной температурой, затем повернулся и, скрестив руки на груди, прислонился к рабочему столу.

— Итак, — прошипел он, — что еще поведал вам ваш «дар предвидения»? Например, о том, что я остро нуждаюсь в редкой жидкости, которая хранится всего шестьдесят минут?

Это была проверка, ловушка. Цзээркэсы встретил его взгляд. В его ледяных голубых глазах не было ни торжества, ни желания уклониться от ответа — лишь глубокое, почти усталое понимание.

— Мой дар говорит мне, что ноша мастера зелий Хогвартса гораздо тяжелее, чем кто-либо может себе представить. И что некоторые из этих тяжестей... требуют лучшего оружия для борьбы. — Он сделал паузу, понизив голос до шепота, почти сливающегося с шипением пламени под котлом. — Особенно сейчас, когда тьма готовится вновь подняться, не так ли?

Эти слова сработали как немое заклинание, попав точно в цель. Тело Снегга напряглось, взгляд мгновенно стал опасным, словно в любую секунду с кончика его палочки могло сорваться проклятие. Слова Цзээркэсы были туманны, но их суть была пугающе точной.

В кабинете воцарилась мертвая тишина.

— Вы... — голос Снегга прозвучал низко, словно змея, скользящая по земле. — Вы суете нос туда, куда не следует, профессор Конрей?

— Зовите меня просто Цзээркэсы. Я всего лишь наблюдаю за траекториями будущего, профессор, — спокойно ответил он, ловко избегая прямого обвинения. — Будущее говорит о войне, жертвах и... незримой защите. Оно говорит мне, что некоторые битвы ведутся в тених в полном одиночестве, а одиночество — само по себе является уязвимостью.

Его взгляд скользнул по напряженному лицу Снегга и вернулся к хрустальному шкафу с соком сонных бобов.

— Я лишь считаю, что даже самому искусному одиночке порой требуются... незначительные запасы. Это не личное. Чисто стратегический расчет.

Последовала долгая пауза. Снегг переваривал услышанное, взвешивая опасность и пользу. Цзээркэсы не пытался его убедить — он просто стоял, как подчиненный, предоставивший данные и ожидающий указаний. Наконец Снегг издал холодный смешок, разбивая оцепенение.

— Если бы ваши уроки прорицания выпускали хоть пару студентов, способных сварить Живую Смерть, не превратив ее в яд, это принесло бы гораздо больше пользы для «стратегии» Хогwartса.

Типичный для Снегга уход от темы, но это было почти равносильно признанию и... определенной степени принятия.

— Я сделаю всё, что в моих силах, — слегка кивнул Цзээркэсы. — Не смею больше задерживать, профессор Снегг.

Он развернулся и пошел прочь, не проронив ни слова. Когда он был уже у двери, голос Снегга догнал его — все еще холодный, но лишенный былой остроты.

— Профессор Конрей.

Цзээркэсы остановился, не оборачиваясь полностью.

— Если в следующий раз вы «предскажете» наличие других «лишних» материалов, — в голосе Снегга проскользнула вымученная, почти извращенная практичность, — приносите сразу. И без... пространных разглагольствований о звездах.

— Разумеется, профессор.

Уголки губ Цзээркэсы тронула едва заметная улыбка. Дверь за ним закрылась. Он медленно шел по коридору подземелий, зная, что Снегт наверняка следит за его уходом через щель в дверях или каким-то иным способом.

Доверие? До него было еще очень далеко. Но крошечный канал в толще льда уже был пробит. Это доверие строилось не на чувствах, а на общих тайнах, осознании надвигающейся тьмы и — что важнее всего — на практической пользе.

Цзээркэсы знал: чтобы спасти Северуса Снегга, он должен стать для него союзником, от которого невозможно отказаться.

И сегодня он доставил свою первую «поставку».

<http://bllate.org/book/21836/2262666>